

В. ЛУКИНОВ

КАНДАГАР

КАК ВСЕ
НАЧИНАЛОСЬ

(взгляд лейтенанта)

Владимир Лукинов

Кандагар. Как все начиналось (взгляд лейтенанта)

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=38564715

Кандагар. Как все начиналось (взгляд лейтенанта). / Лукинов В.:

Алгоритм; Москва; 2017

ISBN 978-5-906995-91-9

Аннотация

Среди большого количества мемуаров об афганской войне, эта книга стоит особняком, хотя судьба ее автора, среднестатистического лейтенанта, во многом перекликается и с сотнями похожих судеб его сверстников. В ней намеренно нет детальных описаний боев и операций, так называемого «экшена», которым изобилуют многие произведения. Эта книга – о жизни на войне с мастерской передачей всех малозаметных штрихов того времени, вплоть до бытовых мелочей, мгновенно переносящих читателя в атмосферу тех лет. Вместе с автором, его глазами, с периода ввода войск в Афганистан, мы увидим как все начиналось. Столкнемся с воровством и неразберихой, подлостью и предательством, трусостью и героизмом. Узнаем, о чем думал, чего больше всего боялся, что больше всего поражало и чем он жил эти два с лишним года. Эта книга

– и книга-анализ. Анализ причин неоправданных потерь и первых неудач, ошибок в подготовке подразделений, недостатков экипировки и тылового обеспечения. Как политработник – замполит роты и батальона, автор подробно описывает формы и методы партийно-политической работы с личным составом, работы с местным населением, отмечает морально-психологические особенности советского солдата в сравнении с противником. Книгу делает уникальной и ее документальность. Кроме размещенных документов, в ней множество уникальных авторских фотографий, словно иллюстрирующих каждое его слово, что делает материал интересным не только широкому кругу читателей, но и военным историкам и специалистам. Несмотря на большой и серьезный материал, книга читается на одном дыхании.

Содержание

Благодарности	5
От автора	6
Глава 1	9
Глава 2	34
Глава 3	48
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Владимир Лукинов

Кандагар. Как все начиналось (взгляд лейтенанта)

*Посвящается личному составу 1 мсб. Живым и
мертвым.*

с уважением. Чем могу...

Благодарности

Особую признательность за помощь в написании книги выражаю своим боевым товарищам: Великаму Ахмадулину, Игорю Кмицикевичу, Валерию Лужанскому, Сергею Несякину, Калибаю Утепову, Виктору Чемоданову, а также за оформление и подготовку к изданию Ольге Ратниковой и моим сыновьям Олегу и Станиславу.

От автора

*Солдат умирает дважды.
Один раз – на поле боя.
Другой – в памяти поколений.*

Писал, чтобы помнили. Ничто так не обрастает мифами, как рассказы о войне. Оно и понятно: чисто человеческие слабости. Одни хотят показаться более значимыми, другие – прикрыть свои огрехи, а где-то и преступления.

И над всем этим – глобальный государственный интерес: народ обязан гордиться своими военачальниками, своей армией, своим государством. Истинная правда о войне уходит в сторону, подменяется красочной лубочной картинкой, которая для всех и становится абсолютной истиной. А та правда, суровая, противоречивая и, зачастую, нелицеприятная, обречена постоянно вылезать во все новых конфликтах и войнах. Ведь ошибки замолчали, не озвучили, не изучили и не исправили.

Поэтому писать мемуары очень сложно, особенно большим начальникам. А ну, как кого-то обидишь или миф какой-нибудь развенчаешь? Куда ни ступи, везде уже – «бронза», на века! Легче всего – простым солдатам, никому ничем не обязанным, ни от кого не зависящим, да еще мелким во-

енным «сошкам»: взводным да ротным. Легко и мне. Моя история – одна из тысяч похожих друг на друга офицерских судеб. И я хочу показать на низовом, лейтенантском уровне, как все начиналось в Афганистане. Потому что так у нас начинается всегда. И всегда перед нами лежат одни и те же «грабли», «грабли» 1941-го.

Хозработы в ущерб боевой подготовке, неповоротливое нищенское тыловое обеспечение, разгильдяйство, воровство, пренебрежение людскими жизнями, и на фоне этого, огромным нравственным контрастом, молчаливый героизм солдат и офицеров. Сделаны ли выводы сейчас? Хотелось бы верить.

Эта война требует осмысления, но на основе фактов, многочисленных документальных свидетельств участников, а не в угоду постоянно меняющейся политической конъюнктуре.

Многое уже подзабылось: даты, события, фамилии. Да это и не главное. Главное, что все это было, я так чувствовал, так видел и так поступал. Главное – люди, настроение, дух и приметы того времени, вплоть до мелочей.

Пусть генералы напишут о боях и операциях, а я напишу о людях, о жизни на войне. Напишу, как все начиналось. Взгляд снизу, глазами среднестатистического лейтенанта, маленького винтика огромной военной машины великой непобедимой страны.

Вот и вся цель моей книги, одной странички этой войны. Не судите строго.

С уважением, автор.

Глава 1

Желторотики

Вот они, долгожданные лейтенантские погоны! Я еду в трамвае и искоса поглядываю на маленькие золотые звездочки на плечах. Мне кажется, что на меня смотрят все! Вон тетка на переднем сиденье, глядя на меня, по-матерински ласково улыбается...

У «родной» общаги. Сентябрь 1980 г.

Так смотрят на молоденьких, игривых щенят. Любому,

конечно, за версту видать: новоиспеченный «летеха», салабон, «желторотик». Как ни разыгрывай из себя бывалого, тертого вояку – я весь новенький и хрустящий, как только что отпечатанный рубль. Мне кажется, я даже пахну вещевым складом!

И все равно, теперь я – ОФИЦЕР! Звучит-то как, а? В этом слове мне всегда чувствовалась принадлежность к огромной всепланетной касте служивых людей. Людей долга, чести, отваги. С белым шарфом на шее и шпагой в руке. А чего вы хотите? Молодость! Кто не был романтиком в 20 лет?

Эпохальное лето 1978 года... Начало начал. Для нас, конечно. После окончания Новосибирского военно-политического училища меня с Олегом, давним дружкой еще с Суворовского, распределили в Ленинградский военный округ. Очень неплохой вариант. Запросто мог быть и Забайкальский! Там, где «во глубине сибирских руд» хранили гордое терпенье декабристы. Коротко: ЗабВО. По всеармейской расшифровке: «забудь вернуться обратно». И вот, отгуляв, как песню, положенный отпуск, мы в Питере – за назначением. Ходим по городу, сворачивая себе шеи. Красотища-а! Главное, какой-то непередаваемый шарм остановившейся истории. Вот сейчас, вот всего пару шагов – и из-за поворота выйдет «брат Пушкин». И точно! Из-за поворота выходит... военный патруль. Но мы-то теперь лейтенанты, чего нам шарахаться от патруля? Чай не в самоволке, а

как солидные люди, за назначением. Спрашиваем, где штаб округа? Оказывается, перед носом – на Дворцовой площади, в бывшем здании императорского Генштаба.

Обедаем в офицерской столовой, на втором этаже, с видом на Зимний. После нашей сибирской лесной глуши, ощущение полной нереальности. И, наконец, свершилось: молча стоим, подпирая стены у кабинета кадровиков. Вот она, нулевая точка офицерской СУДЬБЫ! Время встало. Скорее бы все определилось! И чего там так долго решают? Из кабинета с раскрасневшимся лицом выходит один из наших. Бросаемся к нему: «Ну как, куда?» – На Север! Откровенно завидую. Такая романтика! Это же СЕВЕР! Правда в этой зависти есть и меркантильная сторона: лучше начать с дальнего Севера и закончить ближним Югом, чем наоборот.

Вот уже и я перед заветной дверью. Вроде дверь как дверь: деревянная и обшарпанная. Антиквариат. А за ней, оказывается, решается твоя судьба... С замиранием сердца захожу... Куда ляжет фишка? Вот бы тоже на Север! Но мне выпадает совсем мелкая картишка: какой-то учебный центр Бобочи-но, поселок Каменка, почтовое отделение Чапаево. И вся эта троица где-то под Выборгом. Дружку Олегу то же. Не везет нам в картах. Видать, повезет в другом. Новое место службы приятно удивило: уютный военный городок на берегу красивейшего озера среди обалденной карельской природы. Кругом – леса, озера, болота, поля военного полигона – вожденное место питерских грибников и охотников. Под боком,

для контраста, следы далекой финской войны: обвалившиеся окопы, взорванные ДОТы и исчезающие в чащобах бесконечные ряды огромных валунов «линии Маннергейма». Рай для романтиков! Север сразу поблек. Да и до Питера чуть больше часа на автобусе. Мелочь!

Идем с чемоданами по пряно пахнущей хвоей лесной тропинке. Тепло, солнышко, птички. Вдруг из-за деревьев на немыслимой скорости и совершенно бесшумно, как в немом кино, вылетает танк! Плавно покачиваясь на ухабах вдрызг разбитой дороги, он тут же исчезает за поворотом, и сразу же нам по ушам ударяет могучий рев реактивного двигателя! Мы цепенеем от восторга! Такой смеси мощи и грациозной красоты я не видел никогда. Это был новейший танк Т-80 – первый в мире серийный танк с газотурбинным двигателем.

Мест в общежитии традиционно не оказалось, и нас поселили в комнатухе полкового клуба с такими же, как мы, «желторотиками»: танкистом и связистом. Во-первых, мы сразу оценили преимущества клубной жизни: на службу ходить не надо – на службе и живешь, контроля никакого – кому этот клуб сдался, кроме субботы и воскресенья? Во-вторых, мы стали ПЕЧКИНЦАМИ. Командиром полка был майор Печкин. Позывной части – «Граф». Забавно звучало, когда тот брал трубку и представлялся: «Граф. Майор Печкин». Долговязый, не графского вида, он ходил по территории и постоянно щелкал семечки. Посему семечки в полку щелкали почти все. По утрам, на построении, над полком так и ви-

тал их аппетитный запах, а голуби, целыми эскадрильями, пикировали с крыш. Стоя в строю, прикроешь глаза – и ты уже на колхозном рынке среди крикливых бабок с полными мешками. Но вскоре наша веселая клубная жизнь закончилась. Сгубил, как и всех мужиков, «зеленый змий». В военном городке был «сухой закон». Поэтому в целях экономии, а также для встречи 7 ноября (достойной, естественно), мы решили забачать «Рябиновку». Благо ягоды было кругом – топчись. Связист тут же притащил со своей аккумуляторной пару десятилитровых бутылей, мы – ягоду с сахаром, и процесс пошел!

И вот в самый ответственный момент, когда «процесс» весело побулькивал в бутылках, начальнику политотдела дивизии полковнику Домашеву вдруг вздумалось осмотреть наш солдатский клуб как главный центр культурно-просветительской работы полка. После «немой сцены» (онемел, в отличие от НачПО, только замполит полка) нас с треском и полной конфискацией выгнали в общагу. Места там мгновенно нашлись, причем в уютных комнатках на двоих и, главное, в двух шагах от офицерской столовой.

О, офицерская столовая! Предмет вожделений и ночных холостяцких грез! Мечта холостяка, кроме наших дам, конечно. А если честно, куда им, этим дамам, до столовой! Если завтрак холостяку был почти гарантирован, а обед – дело святое, то ужин, как мы шутили, приходилось зачистую «обозначать флажками», «отдавать врагу» – ежеднев-

ным служебным совещаниям, съедавшим уйму времени, а заодно и наш ужин. Я раньше, по наивности, считал отличительной чертой офицеров лаконизм. Еще с Рима: «Пришел, увидел, победил». И все ясно. В действительности же – все наоборот! Отличительная черта – красноречие, причем с лирическими отступлениями, анекдотами и служебными байками. Ну все, как один, Львы Николаевичи!

Сидишь, бывало, обреченно слушаешь поучительную историю какого-нибудь начальника службы и с тоской поглядываешь на часы... Твои вожащенные гуляши, зразы, шницели с каждой минутой скукоживаются, как шагреновая кожа. Ну вот, все – офицерская столовая закрылась. Обозначили, значит, «флажками». Иногда начальство великодушно вспоминает, что холостяков надо бы отпустить на ужин. И тогда мы табуном, обгоняя друг друга, несемся в столовую! Маленькие радости жизни...

Чтобы вконец не лишиться и этих убогих радостей, я приобрел по случаю пластиковый «походный набор туриста» из 3-х предметов: ножа, ложки и вилки. Вещь оказалась уникальной: загребушая как мини-половник ложка и такая же вилка, только с прорезями. Вид они производили устрашающий и кровожадный. И в те печальные деньки, когда наше начальство окончательно впадало в совещательный маразм, я хватал свой заветный наборчик и «мальчишом-плохишом» нагло заваливал к Олегу-женатику. Там его жена Катя молча ставила на стол еще одну алюминиевую солдатскую

миску с лапшой, я доставал наборчик – тем и спасался. Позже, прибрахлившись, завел себе плиточку, сковородочку, оброс необходимым хозяйством и набегу к «братцу» Олегу прекратил. Кашеварил у себя в общежитии. Там же я получил и свой первый, но далеко не последний печальный опыт общения с армейской прессой.

Однажды, очередной раз оставшись без ужина, кашеварю у себя в комнате. На плитке – сковородочка, а на ней, аппетитно попахивая луком, жарятся грибы. Запах – божественный! Вдруг в комнату, выпучив глаза, влетает перепуганный замполит батальона: «Срочно прячь сковородку, к тебе корреспондент! О быте лейтенантском пишет!» Мигом сую все под кровать и сажусь в непринужденной позе. Заходит очаровательная девушка – прелесть, прямо с картинки. С такой и о грибах забудешь. Я плечи молодежески развернул, браво-вид принял и плююсь. «Здрасьте, говорит, я корреспондент окружной газеты «Ленинское знамя». Пишу о молодых офицерах, как складываются первые месяцы службы, лейтенантский быт...» «Да хорошо складываются», – отвечаю. А под кроватью предательски шкварчат на остывающей плитке грибы. Да и запах, куда его денешь? Девушка, покосившись на кровать, улыбается. «Как у вас аппетитно пахнет... Грибами... Прямо-таки замечательно. Так романтично...» Я, дурак, возьми и ляпни. «Да вот, говорю, грибов пожарил. Постоянно с ужином пролетаешь, хорошо хоть грибов полный лес...» «Да-да – кивает, да-да...» Ну поговорили, и забы-

лось. А тут идет комбат, злой как черт, в руках окружную газетку держит. «Зайдите, говорит, товарищ лейтенант!» И дай меня песочить. «Это я, вас, товарищ лейтенант, на ужин не пускаю?» – «Да нет, товарищ майор, говорю, вы-то пускаете, когда можете». А комбат дальше продолжает: «Вы, товарищ лейтенант, грибки жарите на плитке, что строжайше запрещено в офицерском общежитии, стираться вам негде, в город вас не пускают, выходных у вас нет, жену свою не видите...» «Да я еще не женат», говорю... «Ну значит чужую жену не видите...» В общем, влетело мне. И не мне одному. А как положено в армии, сверху донизу. Я же явился, так сказать, «обобщенным героем» ее статьи. С тех пор у меня на корреспондентов аллергия. Как увижу, так нехорошие слова говорить хочется. Ученые утверждают, болезнь даже такая есть. Кроме приобретенной подобным образом сомнительной славы, я среди своих сверстников-замполитов особо ничем и не выделялся. А по части хозяйской оборотистости – вообще бездарь. В армии ведь всегда ценилось умение «достать», что в переводе на армейский – «проявить командирскую смекалку». А чем определяется размер этой самой смекалки? Количеством солдат, разумеется. Крепостных душ. Туда послал поработать, сюда послал, глядишь – красивый забор вокруг части нарисовался, КПП покрасили. Начальство приехало, посмотрело, сделало вывод: командир толковый, перспективный, за дело болеет. Самый ходовой неформальный вопрос вновь прибывшему, что солдату, что

офицеру – что достать сможешь? А нужно все: краски, доски, лак, фанера, бумага и т. д. Можешь ведро клея ПВА достать? (жуткий дефицит у политработников той поры). – Мама может. – А мама где живет? – Там-то, там-то. – Вот тебе 3-е суток, лети за клеем!

Раньше отпуск солдату положен не был. Давался он единицам за особые заслуги: отличился на учениях, задержал нарушителя. Съездить домой на десять суток считалось величайшей солдатской удачей и ценилось выше наград. А тут, раз – и дома! Да тебе привезут что угодно, хоть статую Свободы из Америки. Только пусти! Правда, есть негласное условие: делай что хочешь, но на итоговой проверке чтоб отстрелялись и отводили как надо! Но невозможно одновременно строить что-то в Питере и стрелять на полигоне в Бобочино. Значит, надо закрыть на что-то глаза. Легче – на стрельбу. Начальство ведь свое, окружное. Но меру надо знать. Умудрится командир там и там успеть – виртуоз, далеко пойдет. А нет – не взыщи, хоть ты трижды стратег, но должности не соответствуешь. Распространенный анекдот того периода. Снимают комполка с должности за провал в боевой подготовке. Передает он дела, а новый назначенец у него совета спрашивает. Тот передает новичку три пакета и говорит: «Туго станет – вскрывай». На первой проверке получил полк двойку. Вскрывает командир первый пакет, а там: «Вали все на бывшего командира». Прошло. Через полгода опять двойка. Во втором пакете: «Ссылайся на моло-

дость, неопытность». Опять прокатило. Вновь работали везде, а как стрелять и водить – двойки. Пришлось комполка вскрывать третий пакет. А там: «Пиши три пакета».

Но то у больших начальников, у них хоть люди, связи. А что у «желторотиков» в рюкзаках? Да ничего, только папа с мамой. У нас у одного замполита папа был в Новосибирске на большом заводе начальник. А там умельцы инкрустированный шпоном портрет Ленина делают. Мотанулся парень, отдохнул, и во всех ленкомнатах полка – сплошная красота! Полированный портрет Ильича. Сразу ясно: нужный человек служит. Поэтому оборотистые, с предпринимательской жилкой офицеры были всегда на особом счету. Я же на особом счету не был, так как связями не оброс, оборотистости Бог не дал, ресурсами солдатскими распоряжаться права не имел. Так себе, балласт. Хотя один раз и я мог на что-то сгодиться. Да и тут не случилось.

Как-то прибегает посыльный: срочно к замполиту полка. Обреченно иду как на закланье. Опять бойцы что-то натворили или наглядная агитация на стройке пропала. Захожу, докладываю. Замполит же, как-то странно, оценивающе на меня поглядывая, говорит, что надо-де, в Питер съездить, к генералу, посылочку передать. Посылочка небольшая, так, безделица. Туда-сюда. «Есть», – говорю, – немедленно отправляюсь», и – к дверям. «Между прочим, – добавляет замполит, – генерал – человек влиятельный, и дочка у него симпатичная... Ну ты иди!» Иду, думаю: служебное задание,

причем тут генеральская дочка? Встретили меня в Питере как родного. Чаем за семейным столом напоили. Генерал по-отечески про службу расспрашивал. Нормальный мужик! Генералы, оказывается, не всегда страшными бывают. А вот дочка у него, надо сказать, подкачала. Это так, к слову. Возвращаюсь, докладываю.

– Ну как, спрашивает замполит, – передал?

– Так точно!

– И все, что ли?

– Все, а что еще передать надо было? – недоумеваю.

– Да все, все – как-то задумчиво бормочет тот. И с какой-то досадой тряхнув головой – идите, товарищ лейтенант.

Рассказываю о своей странной поездке друзьям. И оказывается, с посылочками к генералу не я один из лейтенантов ездил. У генералов тоже ведь проблемы бывают. Правда, ни у одного из нашего брата глаз на генеральскую дочку так и не загорелся.

Несмотря на пролетевшие газетные бури и прогремевшие командирские громы, служба шла обычным чередом: мы продолжали работать без выходных и дуреть от каскада бесчисленных совещаний. Сначала – совещание комбатов у комполка с 18–19, потом комбат с ротными кому надо «хвоста начистят», и лишь потом нам, исполнителям, задачи поставят. Глядь, уже и спать пора. Ну а у солдата, как всегда, времени больше всех – вся ночь впереди!

В то время наша часть, как наверно и вся армия стра-

ны, занималась не только боевой учебой, но и всевозможными стройками, поэтому вводные типа: «всю ночь кормить, к утру зарезать» сыпались на нас в изобилии. Вводные – вводными, а в 6 утра вставай с петухами, контролируй проведение зарядки, завтрака, умудрись сам перекусить, и будь готов к занятиям. Кстати, конспектик занятия где? Должен быть написан на трех листах. Есть? А почему дата старая? Вчера времени не было? Много разговариваете! И так изо дня в день без выходных. Нагрузка сумасшедшая. Если куцые выходные и случались, то только по принципу: «быстренько-быстренько отдохнем, а потом быстренько-быстренько поработаем». Но то – в воскресенье, не про нас. Воскресенье – день замполита, день всевозможных мероприятий. Отдых у нас должен быть в среду. Должен быть... Но в среду обязательно то стрельбы, то вождение, да и стройку никто не отменял. Если же чудом, договорившись с командиром, ты свободен, то кто там помнит, что у тебя законный выходной, что вообще сегодня среда в этой серой круговерти будней? Лучше с утра урыть в Питер или забуриться куда-нибудь в леса, на рыбалку, чтоб не нашли. По городку идешь, как подпольщик, с полной конспирацией: не дай Бог начальство застукает! Как это так? В то время как наша часть взяла повышенные социалистические обязательства... все работают, а он, видите ли, отдыхает, болтается, «параллельные» брюки надел!

«Параллельными» назывались обычные брюки на выпуск,

с ботинками. Ношение их означало вызов устоям. Одно из двух: либо офицер в законном отпуске, тогда что он, дурак, здесь еще болтается; либо это бездельник, праздношатающийся лентяй, демонстративно плюющий на службу с высокой колокольни. А в сапогах – другое дело, он службист и скромный трудяга! Чуть позже, «заматерев» и обтесав лейтенантские «углы», я сделал вывод: безнаказанно плевать на службу с высокой колокольни можно только в сапогах и галифе. Как говорится: «старый воин – мудрый воин».

И вот через месяца два такой жизни, быстро растеряв курсанта́нский жирок, я понял, что жестоко ошибся с профессией. Мое представление о службе офицера, основанное на житейских стереотипах и киношных сказках и близко не соответствует печальной действительности. Это оказалась не та армия, в которой я хотел служить. Окончив с отличием суворовское и высшее военное училище, я, оказывается, совершил катастрофическую и непоправимую ошибку на целых 25 лет! Это сейчас по истечении контракта – «гуляй Вася», а тогда обратного хода не было, а было 25 лет «крепостного права». Тогда что ни случись, но уйти офицеру на «гражданку» и начать жизнь с чистого листа можно было лишь в качестве клинического идиота или инвалида-задохлика. Для строптивых был и третий вариант: тюрьма за уклонение от службы. Деваться таким бедолагам было некуда, и приходилось обозначать службу. Толку от них было мало, одна морoka. Позже я встречал 30-летних лейтенантов, вечных ко-

мандиров взводов, испробовавших все, чтобы только уйти из армии. Мучались сами, мучили сослуживцев, рушились семьи, но военная прокуратура держала их за горло мертвой хваткой.

Причины такой непомерной служебной нагрузки на офицеров лежали на поверхности. Одна из них – слабый, неработающий сержантский состав – главная беда Советской Армии. Именно тот сержантский состав, который во всех армиях мира выполняет основную массу рутинной управленческой работы. Выражаясь современным «рыночным» языком, у нас было полное отсутствие «менеджеров низшего звена». Формально по штату и в строю сержанты якобы есть, но на деле, в большинстве случаев, это те же солдаты с сержантскими погонами, которых ни в грош не ставят их подчиненные.

Почему? Во-первых, потому, что сержанты такие же срочники, зачастую такого же призыва, или даже младше своих подчиненных, и не обладают какими-то серьезными привилегиями. Во-вторых, большинство из них ни по характеру, ни по душевному складу не способны были командовать людьми. Их просто призвали в армию и направили в сержантскую «учебку». Прибыв в часть и попав под прессинг «дедов», более старших по возрасту и служебному опыту солдат, они являли собой пустое место. Поэтому офицерам и приходилось зачастую подменять своих сержантов или подыскивать на эти должности солдат, обладающих автори-

тетом и командирскими качествами.

До боли знакомый пример: посылают на работу сержанта с двумя бойцами и (обязательно, как требует начальство) офицера для контроля. Как бы чего не вышло! И вот печальная картина: два солдата метут, копают или гребут, а сержант с офицером стоят и смотрят. Сержанту работать не положено по Уставу, а уйди офицер – все разбегутся. Кому будет нагоняй за неубранную территорию? Запомните: от неубранной территории, до измены Родине – один шаг! То-то! Вот и стоят офицеры истуканами над каждой ямой. И я стоял, куда деться? Однажды отлучился разок ненадолго, и ничего хорошего из этого не получилось.

Как-то послали меня с группой солдат, и, естественно, с сержантом, выкопать показательный окоп на новом стрельбище. Мы должны просто откопать, а другая команда с другим офицером тогда красиво обложит его белым кирпичом, чтоб не осыпался. Место мне указано строго определенное: ни пяди в сторону! Стали копать. На штык ушли – глядь, камешек показался. Такая ма-а-ленькая серая проплешинка. Кто не знает Карелию, уточняя: там камень на камне, и камнем погоняет. Начали окапывать, а камень все больше и больше! Подоспело время обеда в офицерской столовой. Святое... Я – туда, а бойцам говорю: «Приду, разберемся». Прихожу и вижу.... Мать твою! На месте окопа стоит здоровенный валун, с небольшой дачный домик, а рядом – озеро: такая же ямина уже полная воды! Белых лебедей только

не хватает. Где-то за валуном, прячутся испуганные бойцы. Разбираюсь. Те как на духу: решили смекалку солдатскую проявить, виноваты. Попросили экскаватор, тот и цапанул. Кто ж знал, что там такой монстр лежит? Вдруг слышу какое-то рычание за спиной. Оборачиваюсь и холодею: сам заместитель командира дивизии, курирующий стройку! Получаю приказ засунуть этот валун себе... ну, в общем, вставить его на место. И чтоб комар носа не подточил! Но на прежнее место, даже с помощью того же экскаватора, валунище вставить не захотел. И перед самой командирской вышкой, вместо маленького аккуратненького окопчика, уродливой серой бородавкой замаячил здоровенный каменюга. Так я получил свой первый лейтенантский выговор. Правда, устный, как впоследствии узнал. Оказывается, молодых лейтенантов в первый год службы наказывать запрещалось. Во как! Знал бы пораньше, ходил, поплеывая. Поэтому, когда уже какое десятилетие власти бубнят испорченной пластинкой о реформе армии, а солдаты с курсантами, как таджики-дворники, метут, гребут и убирают, я вижу, что никакой реформой и не пахнет. А эти ребята, как это ни горько звучит – пушечное мясо какого-нибудь очередного, не дай Бог, конфликта. Все это я понял потом в Афгане, когда вылезли наружу большие прорехи в моей подготовке и подготовке наших солдат. Еще одной бедой и почти летальной болезнью нашей армии перед Афганом были хозяйственные работы. Все эти бесконечные стройки «хоз» (читай: «хап») способом, «уборки уро-

жаев», «шефские» помощи, не говоря уже о строительстве дач и работе на предприятиях по бартеру. В каждой части был свой свинарник и, естественно, солдаты-свинари. Можно было 2 года прослужить и автомата не видеть! Да что там свинари! И коров держали. Те, кто по-настоящему переживает за безопасность нашей страны, жизни ее солдат и офицеров, обязаны четко понимать: эта проблема должна разрешиться только радикально! Никаких вообще хозяйственно-строительных работ! Солдат и офицер должны заниматься только боевой подготовкой, своим физическим совершенствованием и несением службы. Эти слова должны быть золотом выбиты на мраморе Георгиевского зала Кремля, вышиты шелком на всех знаменах и штандартах, напечатаны на первых страницах Уставов и наставлений! Наконец, синеть татуировкой на правой руке больших военных начальников, чтоб они, поднимая ложку ко рту, три раза на день, вспоминали эту заповедь, кровью написанную нами в Афгане.

Сколько бы мы избежали преступлений, несчастных случаев, гибели людей, если бы законом жесточайше запретили все хозяйственные работы в мирное время с участием военнослужащих. Сейчас, возможно, что-то и меняется, но уж больно накрепко въелась в сознание начальников привычка видеть в солдатах бесплатную рабочую силу. Уму непостижимо, где только тогда не работали наши солдаты и офицеры! А впереди был Афган, где никого не интересовало, что вместо стрельбищ и танкодромов ты усердно ходил на за-

вод или окапывался на картофельных полях. Необученный солдат – это смерть одного. Неподготовленный офицер – гибель сотен. Таким образом, огромный, непосильный воз повседневной, никчемной хозяйственной работы свалился на офицеров, стремительно деградирующих в военном отношении. Времени просто не оставалось для духовного и профессионального роста, семьи, отдыха, наконец. Отсюда пьянки, срывы на солдатах, рукоприкладство, опора на «дедов». Чтоб в таких условиях держать подразделение в руках, нужно было обладать недюжинным педагогическим талантом и административным опытом. Ух, и повезло же тем лейтенантам, перед глазами которых с самого начала был пример такого командира! Успешная карьера им была обеспечена.

Первый командир.... Об этом особо. Спросите любого офицера, генерала, маршала. Хоть среди ночи их разбудите, и вам они без запинки назовут фамилию, имя, отчество своего первого командира. Потому что первый командир – это знаковая фигура в офицерской судьбе каждого. Это как первая учительница в школе, это матрица, с которой штампуются линия поведения будущих суворовых и кутузовых. Знали бы об этом сами командиры... Мой первый командир – капитан Илахунов Итахун Рузахунович. Уйгур по национальности, мягкий человек по характеру. Его в роте как бы и нет. Всей ротой командует командир взвода. Дисциплина низкая. Кожей чувствую: не хватает обычной, повседневной командирской требовательности, о чем деликатно, как и по-

ложено заместителю по политической части, говорю командиру. Тот лишь снисходительно улыбается. Понятно, «яйцо курицу учит». И вот я потихоньку, сам того не замечая, начинаю подменять командира. Так, совершенно незаметно, у меня на всю жизнь сформировался жестковатый, авторитарного типа стиль руководства, совершенно не подходящий для моей должности воспитателя, но здорово выручивший меня в Афгане. Только один раз я увидел у ротного проявление настоящего командирского характера. Правда, проявление очень своеобразное. Случилось это на учениях, когда после ночного марша, мы, вымотанные до предела, остановились на привал для завтрака. У офицера на привале дел невпроворот: пока расставишь технику, организуешь дозакправку, получишь указания от командования, глядь – а рота уже поела, забыв оставить офицерам. Так мы остались голодными. Ротный ничего не сказал и никого не ругал. Восток – дело тонкое. Просто на обеде, перед самой раздачей, он подошел и пнул открытые призывно термоса с борщом и кашей! Все содержимое, дымясь, вылилось на седой карельский мох. Рота осталась без обеда, зато с усвоенным на всю жизнь законом: первыми кормят офицеров, так как именно от них зависит жизнь солдата в бою. Представляю, как сейчас бы фыркнули «общечеловеки», и возмутились солдатские мамы, мало что понимающие в воспитании настоящих мужчин. Но теперь такой парень, придя из армии, не «захомячит» сам что-нибудь вкусненькое, а всегда поделится луч-

шим куском. Да и в голову ему иногда залетит мыслишка: а мама-то ела? Во всяком случае, уже вечером нас ждал заботливо сервированный на плащ-палатке ужин: каша на тарелках, хлеб с маслом, дымящийся чай. И как только мы притронулись к еде, тут же загремела о солдатские котелки поварешка раздатчика.

Конечно, боевая учеба у нас шла, но все как-то в перерывах между главным делом: строительством стрельбища, танкодрома и собственных новых казарм.

На учениях мы отрабатывали только марши и наступление, красиво развертываясь на БМП в боевую линию и лихо спешиваясь для атаки среди карельских камней и кочек. Занятий по обороне в лесу, боям в городе даже не планировалось. Но и эти крохи боевой учебы давали колоссальный драйв! Форсируя красивейшую речку Вуокса, я днищем своего БМП неожиданно сажусь на подводный камень и в атаку все идем мокрые до нитки. Но это – окрыляет. Ты – воин! За твоими плечами огромная мощь великой страны, за которую ты готов отдать жизнь. Твоя профессия безоговорочно уважается всеми. Девушки с интересом поглядывают в твою сторону. Ты занимаешься настоящим мужским делом, если б, конечно, не эти проклятые стройки!

На очередной стройке и произошел со мной случай, надломивший что-то в душе, и ясная, простая, черно-белая картина мироустройства, накрепко усвоенная мной в политучилище, впервые дала трещину.

2-ой взвод 4 роты АВОКУ 1974 г. Илахунов во 2-ом ряду первый слева

Однажды, строя вышку танкодрома, бойцы наткнулись на двух наших красноармейцев, погибших еще в финскую войну. Те лежали в коричневой торфяной жиже, в шинелях, валенках, с пробивающимися из под касок волосами. Погибших трогать не стали, а сразу доложили начальству по команде. А сверху – раздраженный приказ: «Как откопали, так и закапывайте!» С каким-то неведомым до этого чувством, как можем, хороним. На душе – горький осадок. Подумалось тогда: «Вот и меня, когда-нибудь... Как собаку». Вот так, ребята: «Ничто у нас не забыто, и никто не забыт».

Не совру, но среди серого однообразия наших будней нет-нет, а бывало и блеснет редким бриллиантом лейтенантская удача, наряд начальником патруля. Прекрасная возможность расслабиться и отдохнуть душой. Для этого у нас было два классных места. Первое – у моста через милую речушку, впадающую в озеро Красавица. Полный туристический набор: рыбалка, уха, песни под гитару, ночь у костра, сон в уютном вагончике. А задача вообще плевая: чтобы никто из бойцов не «просочился» на ту сторону в деревню за водкой.

Вторая лейтенантская отдушина – патруль в Выборге. После наших лесов, военный патруль на железнодорожном вокзале города был глотком цивилизации и одновременно отравы «загнивающего Запада». Цивилизацией, конечно, был Выборг – красивейший городок со старинными финскими домами, замком на скале и уютным заливом. А «загнивающим Западом» был поезд «Хельсинки – Москва», каждый день прибывающий на станцию. Это была обоюдная встреча «иностранцев», контакт двух полярных миров, глядящих друг на друга с подозрением и интересом. Мы – «тоталитарный красный режим, источник коммунистической заразы», и они – «звериный оскал империализма, апологеты «общества индивидуализма и потребления».

Зрелище этого контакта было фантастическим, хотя для горожан – устало-привычным. Прибытие поезда с нетерпением ждали обе стороны. «Аборигены» – ловкие ребята, фарцовщики с горящими зеленым огнем глазами чтобы при-

купить из барахла у финнов, и «инопланетяне»-финны, изнемогшие от жажды дешевого и доступного алкоголя. Поэтому, по прибытию поезда, стометровой участок до ближайшего магазина «Интурист», с водкой и матрешками, напоминал собой встречу «бледнолицых» с «индейцами», где главной валютой были тряпки и «огненная вода».

На фарцовщиков я смотрел с презрением. Было обидно за страну. Не фанатеющему от модных шмоток, мне было не понять, как можно унижаться и лебезить из-за какого-то куса материи. Финнов же было просто жалко. То ли от жадности, то ли из-за их «сухого» закона, но пили они по-черному, прямо на улице, с видом изнемогших от жажды пустынных странников, еле-еле доползших до спасительного источника. Наконец нализавшихся «до чертиков» капиталистов еле-еле заволакивали в вагон несчастные проводницы, и состав, благоухая как маленький винокуренный заводик, трогался на Москву.

Вскоре узнаем о вьетнамо-китайском конфликте. Китай напал на Вьетнам. Идут бои. СССР осуждает и призывает... Сразу с Олегом и другими офицерами пишем рапорта с просьбой направить нас во Вьетнам для оказания помощи братскому вьетнамскому народу. Чувствую: вот оно, настоящее дело! Это не казарму с бойцами строить. Вскоре вызывают к замполиту полка. Идем с осознанием важности момента. А то! Вот они – настоящие мужчины, офицеры, гордость и надежда страны! Однако «настоящим мужчинам» влетело

по первое число. Строго взглянув на нас, замполит сказал: «Значит так, товарищи офицеры! На рапорта – плюнуть и забыть! И запомните: на службу не напрашивайся, от службы не отказывайся. Надо будет, пошлют и не спросят. Идите, служите!»

Но спокойно служить не получилось. Среди замполитов рот стали ходить разговоры, что в кадрах ищут добровольца в морскую пехоту. Все отказались. Дошла очередь и до меня. Вызывают к телефону. Звонит кадровик из вышестоящего штаба: «Товарищ лейтенант, партия оказывает вам высокое доверие – посылает на службу в морскую пехоту. Как вы к этому относитесь?» Естественно, отрицательно, – отвечаю. Если бы бредил морем, то пошел бы в Нахимовское, а не в суворовское училище. А море на дух не переношу – укачиваюсь. Несмотря на отказ, меня вызывают в вышестоящий штаб. Прибываю, но стою на своем. Тем более, есть хорошая армейская примета: «Чем красивее форма, тем тяжелее служба». А тяжелее своей я себе пока еще и представить не мог. Так я не попал на балтийский флот. Но напутствие получил. Кадровик, зло посмотрев на меня, прошипел: «Ты еще пожалеешь!»

Служба шла своим чередом с унылой монотонностью заведенного кем-то часового механизма: наряды, учения, работа, короткие мгновения отдыха. Никто из нас и не догадывался о том, что старуха Фортуна повернет скрипучее колесо, и нас занесет в страну, о событиях в которой мы лишь

изредка читали на страницах газет.

Через четыре месяца я попал в Афганистан. Но не пожалел. Это оказались лучшие годы моей службы в армии. Наконец-то я делал дело, к которому меня готовили, которое у меня получалось, за которое меня уважали, и я сам себя уважал.

А пока деваться некуда – надо служить. Ломовой лошастью впрягаться в тяжелую скрипучую проблемами армейскую повозку и, набивая шишки, набираясь по-маленьку опыта, тащить ее и тащить. Ведь если не мы, то кто? И потом, куда ни глянь – везде одни ломовые лошади, от взводного до командира полка.

Так потихоньку мы и втянулись. А уж после первых крупных учений от желторотых лейтенантов не осталось и следа. Мы встали на крыло.

Глава 2

Через всю страну

И вот сонная монотонность гарнизонной жизни внезапно оборвалась. Все, что только недавно всецело занимало умы и языки местных кумушек, было мгновенно забыто. Рейтинг походов очередной местный Дон Жуан упал безвозвратно. Что-то явственно назревало. Романисты в такой ситуации обычно пишут: «В воздухе запахло грозой». И действительно, в городке ощутимо повеяло каким-то тревожным холодком. Вроде ничего не изменилось, но все чувствовали: что-то будет.

На любые попытки самых активных прощупать обстановку, начальство, с видом свалившихся с Луны, божилось и пожимало плечами. И это только усиливало подозрения. Вскоре уже каждый знал: идет отбор большого количества офицеров для серьезной командировки. Куда — неизвестно. Одни кивали на Кубу — в истории городка такая командировка уже случалась. Другие, ссылаясь на авторитетные и надежные источники, утверждали, что во Вьетнам: конфликт с китайцами там еще не утих. Я сразу вспомнил замполита полка с его «на службу не напрашивайся...» Ну вот и отлично, рапорт писать не придется. Прибывший для отбора кандидатов генерал тоже бил себя в грудь и клялся «честным генеральским», что ничего не знает. Но ему никто не верил. Самые проницательные давно смекнули, что дело куда серьезней, чем кажется.

«Отбор» заработал как отлаженный конвейер: зашел, положил, вышел. Взмыленные кадровики, не скрывая радости, что «их дело сторона», едва успевали подносить личные дела. Доходит очередь и до меня. Захожу, докладываю. За столом генерал с моим личным делом, рядышком, в дистанции «подскока» — наше родное начальство. Генерал быстренько для порядка интересуется службой, здоровьем, семьей, то да се, есть ли взыскания? Я, естественно, «есть» говорю, выговор от комбата за отсутствие агитации на стройке, да и

от замкомдива за булыжник. Тут подлетает замполит полка: «Да нет у него ничего, отличный офицер!» И точно, чистую служебную карточку показывает. Вот оно как! А мне только недавно говорили, что я разгильдяй! Все ободряюще пожимают мне руку. «Идите, – говорят, – о решении сообщим».

После этого служба идет как в тумане, по инерции. Я и окружающие, как захудалые актеры, лишь убого обозначаем свои роли. Никто никаких планов не строит. Да и что строить в подвешенном состоянии? Женщины в гарнизоне все увереннее говорят об Афганистане как о деле почти решенном. На будущее я понял: они никогда не ошибаются.

Напоследок судьба, словно компенсируя предстоящую «дикость», дала мне отличную возможность развеяться, отдохнуть и культурно «вырасти». Меня с группой солдат отправляют в Питер на завод зарабатывать посуду для части. С посудой у нас была катастрофа. Ее просто разбазарили по стройкам и полевым работам. Ежедневные специальные команды лазили по кустам и помойкам в поисках брошенных тарелок, ложек, чайников. Но это дело не спасало. Обедать бойцам уже приходилось в две смены, а ложки нарядом по столовой передавались по строгому учету как патроны. И все равно, этого «оружия солдата» приходилось только по одной на троих. Самые запасливые носили ложки в сапогах за голенищем, что приводило полковых медиков в ужас. Боеготовность части была под угрозой. «Спасали» мы ее в центре Питера, в пятистах метрах от «Спаса на крови», на за-

воде, где жили и работали. Бойцы штамповали на допотопных, с царских времен, станках алюминиевые миски, ложки, кастрюли, ну а я целыми днями гулял по Ленинграду, окруженный пьянящей культурной аурой этого города.

Я облазил все выставки, музеи, концертные залы, театры. Умудрился попасть на премьеру зонг-оперы «Орфей и Эвридика», урвал, простояв бесконечную очередь в Гостином дворе, только что выпущенную грампластинку рок-оперы «Звезда и смерть Хоакина Мурьетты». Не попал только к Райкину.

Вечерами, после смены, и по воскресеньям водил солдат в кино, чтоб не взбунтовались, а местных на свой страх и риск отпускал в гражданке домой. Даже побывал в гостях у одного такого бойца в классической ленинградской коммуналке, едва не заблудившись в коридорах. Впечатления – неизгладимые, куда там Эрмитажу!

К изучению городских достопримечательностей я подходил по-военному обстоятельно, мысленно ставя у себя в голове «галочку» после посещения очередного объекта культурного наследия. Только на Эрмитаж я отвел себе две недели, но так и не уложился. Приползал еле живой, просадил за месяц две полочки, но впечатлений набрался на всю жизнь. Напоследок в Питере со мной произошел интересный случай, убедивший меня в правильности выбранной мной специальности.

Работая на заводе, я, как человек общительный, познако-

мился с вахтершей – пожилой женщиной, как мне в то время казалось с «высоты» своих юных лет. Коренная ленинградка, она была очень интересным собеседником, поражавшим энциклопедическими знаниями и тонким юмором. Позже она стала приносить мне редкие книги из своей библиотеки, которые я запоем прочитывал. Чем-то видимо я ей приглянулся и однажды был удостоен чести приглашения «на чай».

В гостях меня ждал сюрприз. Как, впрочем, и других гостей. Сюрпризом для меня стали дочка хозяйки с подругой, а еще большим – два присутствующих там офицера-подводника моего же звания. Ну а для них сюрпризом оказался я. Я был там абсолютно лишний. Словно тот невидимый, кто дергает за ниточки наши судьбы, бросил несколько пауков в банку и теперь с холодным интересом естествоиспытателя наблюдает за результатом.

Посудите сами. С одной стороны – морские офицеры-«белая кость» в городе, где все дышит флотом, где веками ковался культ моря и моряка. И с другой стороны – «тупорылая пехота», ограниченная и невежественная, путающая Бебеля с Гегелем, Гегеля с Гоголем, а Гоголя с кобелем. Короче, «сапог» на флотском жаргоне. Симпатии были явно не на моей стороне. Я, видимо, был «праздничным тортом», десертом, который должен быть мгновенно съеден дружной компанией или, возможно, являлся той печально известной грелкой для героя-Тузика.

Уже читалась в глазах моряков снисходительная ухмылка,

а у милых дам – невольная жалость, но тут меня «прорвало». Пошел «кураж», что впоследствии стократно выручало меня в минуты опасности. «Родео» началось. Ставки сделаны. Неожиданно появились красноречие, эрудиция, юмор и артистизм! Я вспоминал то, что давно безнадежно забыл и даже, к своему удивлению, чего знать не знал! Я просто блистал во всех областях нашего разговора. Фурор был полный. Девушки смотрели на меня с удивлением и восхищением. Ребята имели вид бледный и потерянный. Вечер был безнадежно испорчен из-за неожиданного фиаско: «грелка порвала Тузиков». Тогда-то я по-настоящему и оценил преимущество моего гуманитарного образования. Не зря, значит, я еще курсантом на всю катушку использовал культурный потенциал Новосибирска и его Академгородка. Не зря, значит, почти каждое увольнение тратил на концерты, премьеры, выставки и лекции приезжих искусствоведов Эрмитажа, чуть ли не ночуя в «Доме ученых» Академгородка. Я по крупницам запасал культурный багаж, прекрасно понимая, что впереди меня ждут Богом забытые военные городки.

В родной гарнизон возвращаемся перед самым Новым годом «героями», позвякивая полным грузовиком добытой посуды. Боеготовность части была спасена. А в городке – изменения. Уже многие офицеры знают о своей командировке. Окружающие на них смотрят как-то по-особенному, словно на космонавтов, которым вроде бы все завидуют, но оказаться на их месте никто не спешит. Сообщают о командировке

и Олегу, чему я дико завидую. Когда же, наконец, назвали и мою кандидатуру, я всю ночь не спал. В голове роились мысли, адреналин требовал действий, а что делать, я не знал.

Командировке я был по-настоящему рад. Наконец-то! Впереди наверняка ожидало серьезное, масштабное, настоящее мужское дело, предстоял какой-то поворот мировой истории! Романтика и интригующая неизвестность щекотали нервы, давая тонус каждой жилочке. Оставшиеся в гарнизоне друзья и знакомые жили для меня, словно за стеклом, в другом измерении. Их служебная суэта казалась уже какой-то мышшиной возней, а все, происходившее с нами, обретало сакральный, мистический смысл.

Настает 1980 год. Как-то на новогодней вечеринке взводный Толик Жаров пошутил по какому-то поводу, ляпнув невпопад: «Миссия в Кабуле» (так назывался один из фильмов про разведчиков). И попал, оказалось, в точку. В этом же году из Кандагара его направили с «миссией» в Кабул. Позднее мы с ним частенько об этом вспоминали. Вот и не верь после этого Библии, где сказано: «Первым было Слово». Так что «фильтруйте базар», ребята, – каждое слово может серьезно изменить судьбу.

Да и в личном плане эта командировка для меня была как нельзя кстати. В дамском обществе городка мой солидный статус потенциального жениха мгновенно обесценился. Превратившись в командированного, я сразу стал неперспективным, которому грош цена в базарный день. По прав-

де сказать, девушки городка меня абсолютно не интересовали. Никакой «клубнички». «Дон Жуаном» я не был, кучи детишек не оставил и, уж что, по современным меркам совсем нереально, — ни одной девушки там не «испортил». Доблесть это, позор или диагноз — до сих пор не знаю. Ну не цепляли они меня, проще говоря! Ни по характеру, ни по внешности, ни по поведению некоторых, наконец. Перед глазами был свежий пример одного такого же «желторотика», которого успешно женили на особе, очень «тесно» знакомой большинству молодых людей гарнизона. Я, как и он, такой же беззаботной бабочкой восторженно порхал с цветка на цветок, в то время как над моей головой уже был занесен сачок расчетливого и опытного коллекционера.

И вот только тогда, когда к одной из моих знакомых внешне приехала ее тетя, проявившая к моей особе настойчивый и профессиональный интерес бывалой свахи, я понял, что вскоре тоже смогу украсить чью-то коллекцию. Командировка в неизвестность становилась просто подарком судьбы.

Наконец, все определилось. Период неизвестности, ко всеобщему облегчению, кончился. Офицерам была поставлена задача: в течение нескольких дней сформировать маршевые роты, принять прибывающий личный состав, доэкипировать, поставить на все виды довольствия, занести в книгу формы № 1 и быть готовыми к отправке.

Жаров Анатолий Михайлович. 1979 г.

За этот же срок рассчитаться с частью и получить положенные аттестаты. Командиром нашей роты временно назначили старшего лейтенанта Белькевича Владимира, меня – замполитом, взводным – Толю Жарова. И маховик закрутился.

Все службы работали только на нас. Оперативно, за короткий срок получили все, что нужно. От политотдела диви-

зии передали походную ротную библиотечку из 70-ти книг в ящике из-под снарядов, шахматы с шашками, и несколько толстых общих тетрадей. Но особо расстарались тыловики военторга. Всем убывающим офицерам были предложены шикарные продовольственные наборы за умеренную цену сплошь из одного дефицита. Особенно вдохновляли на подвиги две палки божественно пахнущей сырокопченой колбасы (невиданное лакомство!). Завершали набор, как и положено по-русски, две бутылки водки на дорожку. Окружающие только облизывались. Между делом, я быстренько побросал свои скудные пожитки вместе с парадной формой в ящик и отправил багажом домой, к матери.

Наконец стал прибывать личный состав, который мы принимали в специально освобожденных для этой цели казармах. Народ приходил разношерстный, проблемный. Это и понятно. Вот если бы вам предложили откомандировать кого-нибудь из подчиненных, от кого вы бы в первую очередь избавились? Естественно, от разгильдяев, от того, кто кровь пьет и нервы командирские мотает. Забегая вперед, скажу: в большинстве отличными оказались ребята. Многие впоследствии были награждены боевыми наградами. Правда, поработать с ними пришлось солидно.

Парадокс, но в мирное время такие приносят сплошные неприятности, и командиры их не любят. А в боевой обстановке нужны не «отличники-ботаники», а решительные, дерзкие, рискованные парни, способные проявить инициативу и

характер. Вот таких «характерных» бойцов и набралось у нас аккурат на маршевую роту. Только воспитывать успевай! По национальному составу, как везде в советской Армии, больше половины из Средней Азии и Закавказья. Русских, белорусов и украинцев – по пальцам пересчитать, в основном сержанты и многие только после учебки. Ну и как экзотика – пара прибалтов.

Напоследок, купив у замполита батальона подержанный спальник, а у Толика Жарова – нож, я окончательно стал готов к предстоящим испытаниям. Укомплектовались, экипировались, и однажды утречком, взвалив на плечи матросовки (чехлы из под матрасов) с имуществом, отправились пешочком по заснеженной дороге в пункт погрузки. Десяток километров до маленького полустанка пролетел незаметно.

Зато каково было наше удивление, когда нас встретили не теплушки «а ля Столыпин» с нарами и буржуйкой, а настоящий пассажирский поезд! С занавесочками на окнах и проводницами. Насчет проводниц было сказано не обольщаться. Туалеты будем мыть сами, и никакого чая в постель. Да Бог с ним, с чаем! Зато поедем как люди!

Быстренько разместились по вагонам, эшелону дали зеленый свет, и мы тронулись. Куда? Там видно будет. С тех пор зеленый свет горел перед нами безостановочно. До самой Кушки. Вскоре всех офицеров собирает у себя на инструктаж начальник эшелона – подполковник строгости неимоверной. Представляет должностных лиц эшелона и объявля-

ет порядок совершения марша ж/д транспортом. «Садюга» – сделали мы вывод после его первых указаний. До той поры путешествие на поезде мне представлялось сугубо по-граждански: лежишь-полеживаешь себе на матрасике, книжечку почитываешь, глядишь в окно, медленно прихлебывая горячий чаек, а любители дуются в карты.

Не тут-то было! Это все для пенсионеров и изнеженных барышень, а для воинского подразделения – совершение марша железнодорожным транспортом с задачей: прибыть в назначенный пункт в полной боевой готовности!

Посему: проход из вагона в вагон и выход в холодный тамбур для всего личного состава, кроме офицеров запрещен. На каждый вагон – суточный наряд. Влажная уборка и мытье туалетов – дважды в сутки. Подъем и отбой – строго по распорядку. Никто не валяется. Сразу после подъема бойцы сворачивают матрасы и укладывают их на верхние полки. С солдатами должны проводиться занятия, всевозможные беседы по планам политработников и другие мероприятия на усмотрение командиров. Обязательно круглосуточное дежурство офицеров по вагону. Контроль возлагается на дежурного по эшелону. Порядок получения горячего питания с походной кухни объявят дополнительно. Азартные игры и употребление спиртных напитков запрещены и будут строжайше караться.

Прямо перед глазами сейчас встают удивленные лица читателей: «Да это маразм какой-то, анекдот, армейский са-

дизм! Поначалу так казалось и мне. Но вскоре я убедился, что для тех, кто везет через всю страну эшелон, по трети полки битком набитый молодыми здоровыми парнями с неумемной энергией, это аксиома!

Только поэтому от эшелона никто не отстал, не произошло ни одного несчастного случая, мы хорошо изучили людей и прибыли на место здоровой, сплоченной, управляемой командой, а не стадом сонных обленившихся бегемотов.

А пока наш поезд продолжает нестись по «зеленому» коридору. В снежном буране мелькают города, станции, полустанки. Видно, что где-то нас очень ждут. Но где? Интрига в нашем положении остается. Мы не знаем куда едем. Все с тревожным любопытством ждут: повернем на Восток или нет? Восток – это Вьетнам, Юг – Афганистан. Не повернули... Тамбур обледенел. За окном потянулись продуваемые ледяными ветрами глухие приволжские степи, где по преданию и замерзал печально известный ямщик. Иду на очередное совещание к начальнику эшелона. Осталось несколько вагонов. В каждом у дверей встречают дневальные. Дергаю очередную дверь – закрыта и в окне никого. Грохочу – хоть бы что! Что делать? Опоздать не имею права, никакие оправдания не принимаются. Бью со всей силы кулаком – стекло вдребезги и я открываю дверь. Тут появляются испуганные дневальные... Я мчусь по вагону, еле успеваю. На обратном пути меня уже ждут. Плачу проводнику 5 рублей за стекло, и вперед! Ерунда, дело житейское.

Сутки сменяют другие, похожие как близнецы. Всеми силами стараемся занять личный состав. Спасает походная библиотечка. Читаю сам, выдаю желающим. И книги-то попались отличные, даже из разряда полузапрещенных: Шмелев, Булгаков. Интересно, какие-такие сусеки поскребли готовившие их политработники? Шахматы с шашками затерты до дыр. Делаем большую остановку в Ташкенте. Тепло и солнечно. Выйдя из вагона, с умилением смотрим на пробивающуюся сквозь легкий снежок зеленую травку. Пахнет далекой весной.

И вот, наконец, на пятые сутки марша мы прибываем на самую южную точку нашей Родины – легендарную Кушку.

Глава 3

Кушка

Кушка встретила нас неожиданно большими сугробами и ощутимым морозцем. Огромный каменный крест на холме над городом, обозначавший крайнюю южную точку Российской империи, стоял в папахе из пушистого снега. Железный меч на его фронте, как символ воинской славы и мощи державы, заиндевел от мороза.

Кушкинский крест

Стоит ли этот крест сейчас, когда уже от двух империй не осталось и следа? Вряд ли. Но наверняка остались стоять его братья-близнецы на востоке и севере страны. Возможно, нет и другого символа Кушки – «Алеши», памятника советскому солдату. А тогда они, Крест и Солдат, гордо стояли на сопках почти напротив друг друга и было для меня в этом союзе что-то мистически великое.

Выйдя из вагонов и взвалив необъятные тюки на плечи, мы, гигантской сороконожкой, ползем вверх по узким темным улочкам городка к одиноко стоящим на холмах стареньким одноэтажным казармам. Задача: разместиться в них в готовности к получению оружия и боевой техники. Попутно узнаем, что мы вливаемся в состав тахтабазарского 373 мотострелкового полка 5-ой гвардейской дивизии, уже вошедшей в Афган через Кушку.

Кушка. До 1979 года дальше ее не посылали

Мороз ощутимо щиплет уши. Вот тебе и самая южная точка страны! Стоило ехать с севера, чтобы отморозить уши на юге? С трудом узнаю заснеженный город. Я уже был здесь три года назад, летом, на курсантской стажировке. Вот уж не

думал, что вновь доведется! Древняя армейская поговорка: «Меньше взвода не дадут, дальше Кушки не пошлют» устарела: еще как пошлют!

Память услужливо подбрасывает подробности расположения местных достопримечательностей, и ко мне обращаются уже как к старожилу. С видом «бывалого вояки», посетившего, несмотря на молодость, и не такие «дыры», с удовольствием даю консультации.

Здесь, на стажировке, как оказалось, я получил бесценный опыт выживания в горно-пустынной местности. Судьба словно заранее готовила меня к Афгану. Вспоминаю те курсантские годы... Стажировка. Золотые деньки!

...Июль. В раскаленной духовке раздолбанного вагона, валяясь на полках печеными пирожками, в полубреду едем на Кушку стажироваться замполитами рот. Окна везде открыты настежь, но высунуть голову наружу, за глотком свежего воздуха, дураков нет: легче голову в топку засунуть. За окном – пустыня. В колышущемся мареве медленно проплывают песчаные барханы с редкими кустиками саксаула. Мозги от духоты, кажется, вот-вот закипят и вылезут на лоб дымящимся омлетом. Под расстегнутыми кителями по животу стекают струйки пота. Во рту сухо, и навязчиво хочется пить. Проводник готовит только кипяток, и туда, к титану, снуют со своими чайниками пассажиры. Пробуем и мы, но наш черный чай не спасает.

Обращаю внимание на сидящего напротив седобородого

старика – «бабая» по-ихнему. Дед колоритный: в полосатом ватном халате, чалме – прямо Ходжа Насреддин! Абсолютно сухой, не замечая жары, он спокойно и невозмутимо смотрит на наши мучения. На боковом сиденье в вечной готовности замерла его жена. Вот он ей что-то говорит, и та суетливо приносит матрас, услужливо раскатывая его на сиденье. Бабай с достоинством садится и совершает намаз, каким-то особым чутьем определяя восток в нашем поезде. Намаз завершен, и матрас мгновенно убран. Вновь старик что-то говорит жене: на столе, как по волшебству, мигом появляется большой фарфоровый чайник и пачка зеленого чая. Все это молча пододвигается к нам. Зеленый чай мы отродясь не пили, но как можем благодарим старика и мчимся за кипятком. После первой чашки терпкого напитка жажду у нас отбивает напрочь! Похоже на чудо, но это так. Отсюда урок первый: в жару пить горячий зеленый чай и ничего больше.

На Кушке жажда охватывает нас с новой силой. Мы, как зомби с остановившимся взглядом, покачиваясь, еле бредем от продуктовой палатки к палатке, от магазина к магазину и захлеб пьем, пьем, пьем. Соки, газировки, квас чудовищным коктейлем с каждым шагом громко булькают у нас в животах, шокируя прохожих. Не спасает и приобретенная по дороге пятилитровая пластиковая канистра, доверху залитая очередным напитком. Все выпитое мгновенно струйками пота оказывается на нас, а организм снова капризным младенцем требует: еще, еще, еще! А после попытки испить

пивка, каким-то чудом оказавшегося в офицерской столовой, мы едва не попадаем в госпиталь: бутылки просто взрываются у нас в руках!

Там я понял еще один важный нюанс: главное, – не **СКОЛЬКО** пить, и даже не **ЧТО** пить, а **КОГДА** и **КАК**. Пить надо утром и вечером, сколько влезет, и тогда вода живительным эликсиром быстро рассосется по жилочкам, куда надо. А вот днем, в самое пекло, не пить! Перетерпеть, чуть подсохнув на солнце вяленой воблой. И сразу станет легче, появится ощущение легкости, бодрости, какой-то невесомости. И главное, перестанет лить бесконечный пот, выводя из организма бесценные соли магния, калия, натрия. Бороться в жару надо не с жаждой, а с ее проявлениями. Покусать легонько зубами кончик языка – появится слюна, прополоскать рот водой – пропадет сухость, но только не пить! Если уж совсем не вмоготу, можно проглотить глоточек, но это для самых волевых, кто сможет остановиться. А не удержишься – сорвешься в «водяной штопор». Тогда понесет в запой. Глоток, стакан, литры – все ухнет, как в бездонную бочку, лишь многократно усиливая жажду. А итог плачевный: мышечная слабость, сердечная недостаточность, обморок. Вот так вот, в бою за ущелье, в июле 1981 года, и вырубилась часть пацанов из молодого пополнения. Тут в бою каждый человек на счету, а нам пришлось воевать и их отхаживать.

Будущие бойцы 2 мср: слева – Валерий Лужанский, справа – Николай Решетников.

На сопке – «Алеша»

В продуваемых всеми ветрами сборно-щитовых казармах холодно и неудобно. Спать ложимся, не раздеваясь. Меня здорово выручает спальник: сплю раздетым и отлично высыпаюсь. Оружие получаем чуть ли не из рук в руки у задубевших от холода синюшных «партизан», клявших все на свете и в тоже время счастливых, что живыми наконец выбрались из этой передраги. Для замены на солдат-срочников этих бедолаг вывозили из Афгана на открытых грузовиках, по за-

снежным, с лютыми ветрами, дорогам и перевалам.

Мало кто знает, но первыми вошли в Афган через Кушку не строевые части, а кадрированные полки, с наспех отмотанным приписным составом из местного населения, так называемых «партизан».

Это разношерстное, разновозрастное, кое-как собранное туркменское войско и стало для афганцев первыми «шурави». Остается догадываться, чего натерпелись и те и другие, пока, наконец, не пришел черед регулярных войск. В костяк кадрированных частей, находящихся уже там, «за речкой», и должны были влиться мы: офицеры и солдаты – срочники с оружием и боевой техникой.

Завалившая толпа «партизан» наполнила казарму морозом, грохотом сапогов и всепроникающим запахом костра, немытого тела, залежалого тряпья, прелой кожи, бензина и оружейной смазки.

«Душманом пахнет» – в будущем скажем мы про этот полевой «парфюм», лазая по пещерам и деревенским схрамам духов. А пока «инопланетяне», иначе не скажешь, мигом побросали оружие, стремясь побыстрее избавиться от любых напоминаний о пережитом кошмаре.

Раздаем солдатам боевые патроны. В казарме – сплошной треск от многоголосья снаряжаемых магазинов. Сидим с офицерами в ротной канцелярии. Стук в дверь, и заходит боец, протягивая пару железных рожков от автомата.

– Не снаряжаются, патроны не лезут!

– Ну, давай сюда, разберемся!

Отсылаем бойца, быстро снимаем нижнюю крышку....
Мать честная! Между витками пружины для подачи патрон – пара цветастых носков в красочной упаковке! Ай да туркмены, ну и хитры! Что ж не забрали-то? Видать, так мозги отморозили, что и про контрабанду забыли. Нас охватывает азарт. Мигом разбираем второй... Одуреть! Две пачки жвачки! Дикий дефицит в Союзе! Полным ртом жуем небывалую редкость. Отдаем бойцу магазин и одновременно команду: все неисправные магазины срочно сдать на ремонт в ротную канцелярию. Вскоре у нас на столе стопками возвышаются заморские трофеи: пачки жвачки, носков, изящных ногтерезок с перламутровыми цветочками на ручках и брелоков. Да, «партизаны» время в Афгане даром не теряли, а наладили тесный контакт с местным населением. Но наш «живительный источник» быстро иссяк. Зато рота внезапно зажевала жвачку и защелкала ногтерезками. Дошло до бойцов, наконец! А то как дети малые: «Почини, дядя!» Урок мужикам будет: свое оружие надо знать в совершенстве! В голове промелькнуло: «А неплохой педагогический приемчик вышел, и совсем не затратный!»

Теперь, получив оружие и боеприпасы, нам оставалось лишь принять БТРы и – вперед! Но не тут-то было! На окраине Кушки, куда хватит глаз, на огромном поле, засыпанные по башни сугробами снега, могильными холмиками покоились сотни боевых машин. Унылую картину усиливали

торчащие вверх башенные пулеметы, похожие на кресты. Это был хлам, свезенный со всей страны под шумок афганской заварухи. Этим всеармейским секондхендом, под видом элитного продукта «от кутюр», под завязку были забиты проходящие эшелоны и окрестные поля.

Там в палатках, отмораживая и сбивая в кровь руки, ремонтники доводили технику «до ума». Туда с раннего утра, как на работу, уходили наши командиры с водителями, подготавливая для себя машины. Приходили злые как черти. Цели у сторон были разные. У владельцев «залежалого товара» – любыми путями сбавить технику нам и быстрее свалить из этой Кушки, а нам – как можно придирчивей машины принять, хотя понимали: все равно надуют. На кону стояли наши жизни, мы уходили в неизвестность: что нас там ждет? И над всем этим беспощадным «дамокловым мечом» висело начальство, жестко давившее на сроки. А какой чудовищный пресс давил на него, нетрудно было догадаться. Поэтому сдатчики не артачились и поступали просто: вместо неработающих механизмов снимали исправные с других машин. Броники собирались как «LEGO».

Гигантский муравейник, в который в одночасье превратилась маленькая, сонная, и, казалось, забытая Богом Кушка, буквально кишел от наплыва людей, техники, грузов и приезжего начальства.

А в единственном городском крошечном ресторанчике «Интурист» был аншлаг от офицеров, желающих напоследок

док гульнуть и истратить уже ненужные ТАМ деньги. Хотя слово «аншлаг» – мягковато сказано, как-то по-граждански театрально. Вернее будет по-военному: «взятие Бастилии». Народ бурлил. Люди приходили, уходили, кого-то уносили. Чтобы так пили: жадно, взახлеб, как перед казнью – я не видел никогда. Куда там нашим выборгским финнам! Не хватало мест, не хватало посуды, не хватало даже обычных стаканов! В ход уже шли маленькие настольные вазочки для цветов. Загнанные, в мыле как скаковые лошади, официантки валились с ног, а копошившиеся в кухонном дыму повара чуть ли не падали в обморок. Но деньги текли бессчетно, рекой, никто не жмотился! Гулять, так гулять! Когда еще придется? Да придется ли? Таковую выручку ресторан не собирал, наверное, и за все годы своего существования.

Я же, как человек абсолютно равнодушный к спиртному, решаю потратить свои денежки хозяйственно-прозаически: купить белый подшивной материал да тетради с ручками. Как-никак, слово, даже письменное – главное оружие замполита. Если с канцелярией все обошлось без проблем, то с белой материей – беда! Да какая там материя, простынки простой не купишь: дефицит! Напоследок обреченно захожу в магазин детских товаров. Взгляд равнодушно падает на полки наборов для новорожденных и ... удача! детские ситцевые пеленки! Радостно набираю штук двадцать. Краем уха слышу от стоящих невдалеке продавщиц одобрительное: «Вот какой заботливый папаша, сам все для детей покупает.

А мой, оболтус, где и магазин-то, наверное, не знает!»

Иду с добычей к своим, на холмы. Кушка похожа на гигантский водоворот. Туда-сюда снуют машины, офицеры, колонны солдат. Все куда-то спешат. В воздухе словно разлитое ощущение какой-то неотвратимо надвигающейся опасности, вселенской заварухи, неведомого нам глобального процесса. А ты всего лишь маленький винтик невидимого глазу мощно работающего исполинского механизма.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.